

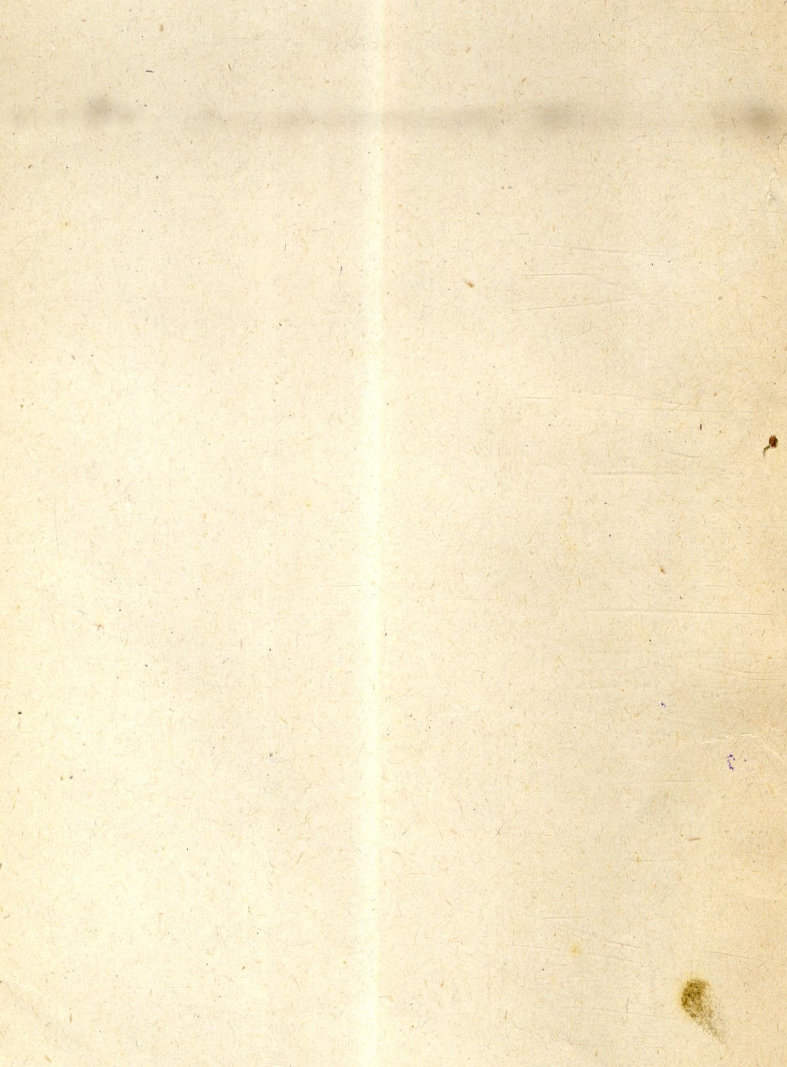
Знач

КСЕНІЯ АБКОВИЧ.

ОГНИ и ДАЛИ.

СТИХИ.

1922 г.

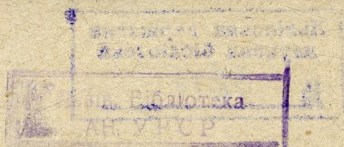
06
20

КСЕНІЯ АБКОВИЧ.

10.319

ОГНИ и ДАЛИ.

СТИХИ.

Ш5(2=44)5-65244

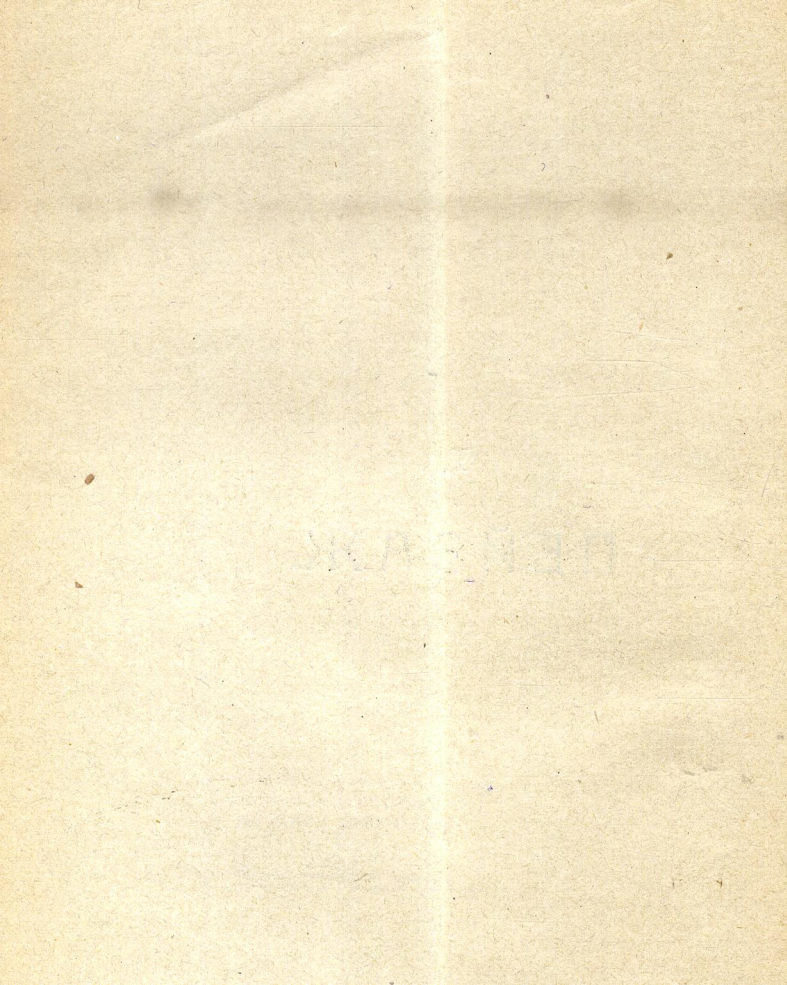
Львівська державна
наукова бібліотека

№

6245

І.

ПЕЙЗАЖ.

КРАСОТА.

Преклониться хочу пред тобой, красота,
Без тебя жизнь мертвѣ, холоднѣ, и пустѣ.
В вихрь звуков, мелодій забыться хочу,
Опьяняясь, в мір грёз и фантазій лечу,
Нѣжных красок, тонов я ловлю перелив,
Встрѣчу страсти капризной нежданный прилив.
Красота, красота, я живу лишь тобой:
Волн морскихъ ослѣпителен сказочный бой,
И плѣняет игра солнца жгучихъ лучей;
Тайна сладкая спит в нѣгѣ лунныхъ ночей;
Красной розы люблю цѣловать лепестки
И к нарцису прильнуть от безумной тоски.
Вѣтви яблони бѣлой люблю я в цвѣту,
Счастье жизни отдам за одну красоту.

ЦВѢТЫ.

I.

В моих мечтаніях завѣтных
Живет неясный образ нѣжный:
Средь очертаній предразсвѣтных
Я вижу пояс горный, снѣжный,
И ледяной, и безконечный..
Туманъ и мгла... Но луч безпечный
Зари чудесной освѣщает
И сердце робкое смущает.
Внизу долина в мягком блескѣ,
Я слышу рѣчки шумной всплески.
Здѣсь тихій уголок укромный.
Смотри—ковёр фіалок скромный,
Плѣняет хрупкій и душистый,
Весенней лаской манит чистой.

Чары фіалки,
Грезы весталки
Такъ обольстительны.
Юности краски,
Дивныя сказки
Нам упоительны.
Мы без фіалки
Нищи и жалки
С прозою сѣрою,
Сон мой лелѣю
Я как лилею
С жаркою вѣрою.

II.

Мои любимые цвѣты
Нарцисы — жгучія мечты...
Как тонки, стройны стебельки
И бѣлоснѣжны лепестки!

Нарцис — любовь и опьяненье,
Души внезапное волненье...

Кто раз вдохнул их аромат,
Тому открыт и рай, и ад,
Мгновенья счастья, годы мук;
Тревожный слышишь сердца стук?..

Нарцис — любовь и опьяненье,
Души знакомое волненье...

О, яркій вѣнчик! Близко ночь,
Но сон бѣжит пугливо прочь,
Дурман нарциса все сильнѣй
И сердцу бѣдному больнѣй.

Нарцис — любовь и опьяненье,
Души внезапное волненье...

Растаялъ вешній снѣг,
 Ликуеть солнце в упоеньи,
 Рѣки свободен бѣг,
 Я в странном, новом настроеньи.

Зеленой травки всход,
 Листок березы хрупкій, нѣжный,
 И блеск манящей вод,
 Аккорд весенній, безмятежный.

Мой легкій вѣтерок
 И пѣнье птиц неугомонных...
 Вновь страсти юный бог!..
 Его велѣнья непреклонны.

Иду я к свѣтлым снам,
 Къ пѣвучим сказкам и видѣньям,
 Мечтѣ порыв отдам
 И ясным, тихим пѣснопѣньям.

Быть в вѣчном движеньи, как море,
Как шумный и пѣнистый вал,
Бурлить как оно, на просторѣ
Средь гордых, презрительных скал!
Быть легким, безпечным, как море,
Как парус, скользящій въ залив,
Забыть про печали и горе,
Быть дерзким, как буйный прилив!

ВОЛНА.

Гнѣвно и бурно о скалы дробится волна,
Лижет утесы и бѣшеной злобы полна,
Но неприступен, насмѣшлив, спокоен гранит,
Гордо с презрѣньем молчанье хранит.
Красныя глыбы на солнцѣ блестятъ,
С пѣною снѣжною брызги на скалы летят,
Дерзко, задорно играют, смѣются журчат,
Нѣжно — пѣвучую, милую сагу бренчат.
С яростью львиною мчится чудовищный вал,
Снова побѣды напрасно он жаждал и пал.
Но безконечно стремится стихія вперед,
Пыл и отвага, безумная мощь не умрет,
Пусть-же, как море, душа, и грозна, и сильна,
Вѣчно бурлить на просторѣ, дика и вольна!

СУМЕРКИ.

Гаснут звуки,
Меркнет день,
Чьи—то руки,
Призрак, тѣнь
Нѣжат смутно—
Явь иль сон?..
Лишь минутно
Счастье... Он,
Час блаженный,
Дрёмы час,
Краткій, бренный
Манит нас.
Блекнут краски,
Сумрак льнет,
Кротки ласки,
Все уснет...

СНЫ ВЕСЕННИЕ.

Милые ландыши бѣлые,
Взгляды пугливо несмѣлые...
Ландыши всюду несчетные,
Вздохи любви безотчетные...
Хрупкіе и серебристые,
К счастью стремленія чистыя...
Ландыши—грезы весеннія,
Не омраченныя тѣнію.
Бѣлыхъ цвѣтовъ откровеніе,
В ихъ ароматѣ забвеніе...
Ландыши, в чащѣ безвѣстные,
Вы расцвѣли там прелестные.

ОЧИМЧИРЫ.

Солнце юга, красота!
Радость, нѣга и мечта!
Кипарисов стройный ряд,
Олеандра сладкій яд...
Громкій хохот, шум и гул!
Как навьючен бѣдный мул!
На конѣ сидит джигит,
Безупречный, гордый вид,
Очи жгучія, брюнет,
Бѣл как снѣг его бешмет.
Оживленный разговор,
С пѣшеходом рѣзкій спор.
Слово за слово, кинжал
Угрожая, заблистал.
Берегись черкеса, враг!
Этих мстительных папах!
Вызов смерти роковой
И кровавый, боевой...

Мнѣ у моря в жар дневной
Сладко быть совсѣм одной
И плескаться, напѣвать,
Все на свѣтѣ забывать...
Бѣлоснѣжнымъ я камням
Счет не вѣдаю как дням...
Любо слушать пѣсню волн,
Созерцать на морѣ челн!

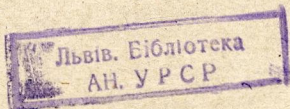
ПО ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ.

I.

Мы ѣдем...

Наш взор изумленный,
Красой ослѣпленный,
И зелень долины,
И горныя льдины
В тиши созерцаетъ.
Могучія скалы,
Гдѣ часты обвалы,
Над бездною жуткой.
Но поступью чуткой
Здѣсь кони шагаютъ.
В расщелинахъ травы
Душистой отравы
Нам шлют ароматы.
Как ярки закаты,
Как сумерки нѣжны!
Шумят водопады,
Летят чрез преграды,

10.319
Иль нитью серебристой
Прозрачной и чистой
Сбѣгают прилежно.
Бурливый и грязный,
Всегда неотвязный,
Как звѣрь ненасытный,
Лукавый и скрытный,
Бунтующій Терекъ!
Мы видим: он близко...
Но вот уже низко
В глубинах он вьется,
Безумный несется,
Чуть виден лишь берег.

II.

Из долины, из ущелья
Поднялись мы быстро въ гору,
Странно, сладко как от зелья,
Душно, жарко въ эту пору.
Кони с возницей в неволѣ,
Подвигаются лѣниво;
Что вы стали?! Будто в полѣ!
Эх, хлестни-же их ретиво!
Солнце жжет нас без пощады,
И одно в душѣ моленье:
Вѣтерка-бы и прохлады!
Сил нѣтъ, пытка и томленье!
Слава Богу! Подъѣзжаем!
Здѣсь накормят нас „барашкой“,
Ну, живѣе, выгружаем!
И напьемся пред запряжкой.

III.

Солнце за тучами, ливень ужасный,
Хляби небесны разверзлися вдруг.
Холодно, скучно... Да кучер опасный
Воет и хлещет; боюсь я, мой друг!
В пропасть слетим, я страшусь не на шутку,
Горец—нѣмой, черномазый шайтан.
Жутко мнѣ эту припомнить минутку,
В грязь полетѣл неуклюжій рыдван..
Живы всѣ, цѣлы! Испуг лишь и хохот.
В лужѣ промокли насквозь и дрожим,
Молніи блеск, и раскаты, и грохот;
Станція! Счастье! Погрѣться бѣжим!

СУХУМ.

I.

Ослѣпительны краски,
Солнца знойныя ласки
Упоительны.

Сине море безбрежно,
В блескъ дня безмятежно
И плѣнительно.

Пред кофейней лѣниво
Греки пьют молчаливо,
Развлекаются.

Отдыхая, порою
В кости, шашки игрою
Увлекаются.

Средь магнолій, под сѣнью
Пальм, чудесною тѣнью
Скрылись сонные.

Дремятъ в сладком забвеньи...
Уплывают мгновенья
Монотонныя.

Праздник солнца и неба,
 Златокудраго Феба,
 Всѣх чарующій!
 Пир божественный лѣта,
 Лучезарнаго свѣта,
 Сон ликующій!

II.

Безлунной ночью шумно море...
 Волна волнѣ, как эхо вторя,
 Бѣжит и катится в томленьи.
 А звуки вальса въ отдаленьи..
 Вновь грёз забытыхъ очертанья
 Лелѣютъ нѣгою мечтанья..
 Как черных птиц колышат воды
 Во мракѣ шлюпки, пароходы.
 Меж тѣм толпа снует в аллеѣ;
 Лицо прекраснѣе камеи
 Мелькнуло быстро... Профиль тонкій...
 И смѣх, и шопот... Говор звонкій...
 Лучистых звѣзд пьянит молчанье
 И волн баюкает журчанье...

Блестит красавица Нева,
Над нею арки кружевные...
Безсильны яркія слова,
Не рассказать мечты больныя.

Сверкает золото церквей,
Дворцы с ихъ пышной красотою...
Червонный цвѣт в саду вѣтвей
Смѣнится вскорѣ наготою.

ПѢСНЯ СОЛНЕЧНАГО ЛУЧА.

Я скользну здѣсь и там,
По полям и лѣсам,
Поцѣлую листок,
Приласкаю цвѣток.

Я безшумно войду
В чашу сосен, найду
Там березку одну,
Разскажу про весну.

Я в листвѣ заблещу
И в травѣ поищу
Червячка, стрекозу,
Что звенит, егозу,

Но люблю всѣх нѣжнѣй
Маргаритку, я к ней
Шаловливо прильну,
Лепестков не сомну,

АГОНИИ ГОРОДОВ.

(Rodenbach—Agonies des villes).

Память о прошлом, величья гробницы,
Доблести пышной и славы зарницы!
Грозныя схватки, турниры, потѣхи,
Меч и кольчуга, стальные доспѣхи!
Роскошь, богатство, и бархат, и злато,
Рѣчи звончѣе, острѣе булата..
Минули яркіе сны безвозвратно,
Тянутся мѣрной чредой безотрадно,
Годы, столѣтья печально, уныло;
Шепчут мгновенья: „погибло, что было!“
Тихо, безмолвно... не слышно ни звука,
Смерть, увяданье без стона, и мука!..
Лебедей бѣлых скользят вереницы
В блескѣ волшебном воды чаровницы,
В волнах канала как жемчуг сіянье
Лунное шлет нам свое обаянье.
Там у пруда расцвѣли неньюфары,
Дремлют в них сонныя грёзы и мары..
Грустныя тѣни домов опустѣлых!
Поступь безшумная женщин несмѣлых,
Мшистые камни и звон погребальный..
Пѣнье бегинок, аккорд усыпальный!

Грядой тянулись облака,
Свод неба голубѣл,
Да море искрилось слегка,
Как жемчуг пѣны бѣл!

Бѣжал за валом быстрый вал,
Так яростно шумѣл,
Он, набѣгая, ликовал
И гимн природѣ пѣл.

Море не знает покоя,
Вѣчно волнуясь, кипит,
В час-ли мятежный прибой,
Или когда все уж спит.

Грозно бойцов поджидает,
Миг—загорѣлся вдруг бой,
Быстро летит, нападает,
Крик побѣдителя, вой...

Море—безмѣрная сила,
Море—бездонная глубь,
Море отважных могила,
Тихо журчи, приголубь!

Умолкшія пѣсни, забытыя думы

Воскреснут-ли снова?

Лазурное небо, весенніе шумы

Как тѣни былого...

Лобзанія солнца, их свѣтлая радость,

О счастья мгновенье!

Вновь бьется надежда как пылкая младость,

Несет вдохновенье.

ПѢСНИ ВѢТРОВЪ.

I. ЗЕФИР.

Я король мотыльков,
Я—весенній зефир,
Напѣваю, шучу.

Я с гирляндой цвѣтков
Понесусь чрез эфир,
Соловья захвачу.

Я к царевнѣ войду
В потайной теремок,
О любви нашепчу.

Темной ночью найду,
Нипочем мнѣ замок,
Ее в грезах умчу.

II. САМУМ.

Горячим зноем в пустынь вѣю
И вихрем жгучим песок сыпучій
В безумном танцѣ столбом свиваю.

Самум я грозный, как призрак рѣю,
Я страшен смѣлым; как смерть могучій,
С набѣга ринусь и все срываю.

Кошмары страсти я в душах сѣю,
В об'ятых цѣпких кольцом сжимаю,
Лобзаньем бурным я убиваю.

Я царь всесильный, один лишь смѣю
Бороться с небом, громам внимаю
И тучи в брызги я разбиваю.

III. ОСЕННИЙ ВѢТЕР.

Я печальный, больной,
Небо плачет со мной,
Я грущу и пою
Про тоску про свою.

Вѣю, вѣю.

Листья пляшут, шуршат,
Желтый, красный спѣшат;
Подхвачу, закружу,
Все я им расскажу.

Вѣю, вѣю.

Я устал, одинок,
Гдѣ найти уголок,
Хоть на миг отдохнуть
И свободно вздохнуть?!

Вѣю, вѣю.

Небо скорбно глядит,
Мрачно все и дождит,
Я грущу и пою
Про тоску про свою.

Вѣю, вѣю.

IV. БОРЕЙ.

Я свирѣпый Борей,
Я с полярных морей,
Безпощадный злодѣй
И пугаю людей.
Снѣжный плащ распростёр,
Не поможет костер!
Я лечу и свищу,
Злую выюгу спущу!
Я люблю хохотать,
Глыбу льда раскатать,
В пропасть с силой свергать
И очами сверкать,
Обожгу, захлещу,
Смѣльчаку отомщу;
Я—свирѣпый Борей,
Я—с полярных морей.

Из пѣны жемчужной явилась она,
Весельем и радостью сладкой полна,
Взлелѣяна морем, кудрявой волной—
Зовут всѣ желанную свѣтлой весной.
Нам щедрой рукой она сыплет цвѣты,
Как солнце прекрасна, видѣнье мечты.
Пройдет лишь—сверкает зеленый ковер,
Сплелися деревья в тѣнистый шатер.
За нѣжной весною к нам лѣто сошло,
Под сѣнью магнолій пріют свой нашло.
В вѣнкѣ цвѣт граната кровавый блестит
И роз благовонных гирлянда летит.
Как пышен и строг кипарисов наряд!
От зноя палящаго камни горят,
И точит, и лижет волна их опять,
В стремленьи напрасном пытаюсь обнять.
Плѣнительный юг, благодатный люблю
И говору волн я в истомѣ внемлю.
Ласкает баюкает пламенный луч,
Он яркій, нѣмой, ослѣпительно жгуч!

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Пахнет левкоем...

Сильный и пряный его аромат
Сладкою нѣгой дурманит,
Прелестью ночи обвѣянный сад
Чарой волшебною манит.

Куст среди мрака чернѣет как тѣнь,
Призрачным страхом пугает..
В душу мнѣ льется истомная лѣнь,
Страсти волна набѣгает...

Вот, опьяненный, кузнечик звенит..
Ночь покорила былинку,
Дивную тайну в безмолвьи хранит,
Мягко лелѣет травинку.

Плещутся волны в нѣмом забытьи,
Дремят в неясном мечтаньи;
В них потонули всѣ скорби земли..
Вѣтра плѣняет дыханье.

Солнца ласки быстротечныя,
Волн капризы безконечныя,
Хороводы тучек млечныя...

Сладко нѣжное забвеніе,
Грустных снов исчезновеніе,
Вѣчность длится пусть мгновеніе!

Волн извивы серебристыя,
В грѣзах сказочных искристыя,
И мечты как небо чистыя...

ПѢСНЯ ГОР.

Угрюмо снѣжныя высоты,
Твердыни льда мы стережем,
Мірскія чужды нам заботы,
Покой могильный бережем.

Напрасно точит скалы море,
В величьи гордом мы стоим,
С стихіей водной вѣчно споря,
Гранита мощь в себѣ таим.

Вѣка мгновеньем пролетают,
Но мы по прежнему сильны,
Сѣдое время не считает
Громады нашей, мы грозны.

Там воздух чист, там солнце блещет,
Спокойны небо и земля,
Там птица радостно трепещет;
Луга цвѣтушіе, поля...
Твоим, Кавказ, вершинам снѣжным,
Твоим чарующим садам
И волнам моря безмятежным
Я сердце радостно отдам.
Как сон, мечта — воспоминанье
В моей душѣ Кавказ живет,
Тяжелый плѣн забыть, изгнанье,
Умчаться в даль меня зовет.

ГАРМОНИЯ.

Я зову в этот миг
Строфы музыкальныя
В сад мечтаній моих,
Гдѣ воды зеркальныя.
Пусть приходят толпой,
Гдѣ листья опавшіе;
Вѣтер кружит их рой,
Уносит уставшіе...
Я зову их в свой сад:
Мрамор, изваянія...
Это рай или ад?..
Море обаянія...
Луч дрожащій в листьвѣ,
Радость спокойная;
Облака в синевѣ—
Нѣжная, стройная...
Милых строф хоровод
Меня опьяняющій
Пусть летит в небосвод,
Печаль проясняющій.

ОГНИ и ДАЛИ.

Я умчаться хочу в край далекій
И в толпѣ затеряться людской,
На простор я стремлюся широкій
С непонятною, жгучей тоской.

Видѣть красок хочу переливы,
Средь развалин безмолвных бродить.
Как смѣняются в бурѣ приливы
На разгнѣванном морѣ, слѣдить.

И в пустынѣ хочу я безводной
Пролетѣть как слѣпой ураган.
И на льдинѣ прозрачной, холодной
Меж снѣгов обогнуть океан.

Средь невиданных, странных растеній,
Опьяняющих, дивных цвѣтов
Заблудиться хочу в сладкой лѣни
И забыться под тѣнью листов...

Под небом сѣрым и угрюмым
Осенній вѣтер с грустным шумом
Склоняет листья долу.

Он плачет о часах минувших,
Мгновеньях счастья грёз уснувших,
Уносит волны к молу!

Я слышу боль в его рыданиях,
Никѣм непонятых страданьях...
Печали дух мятежный...

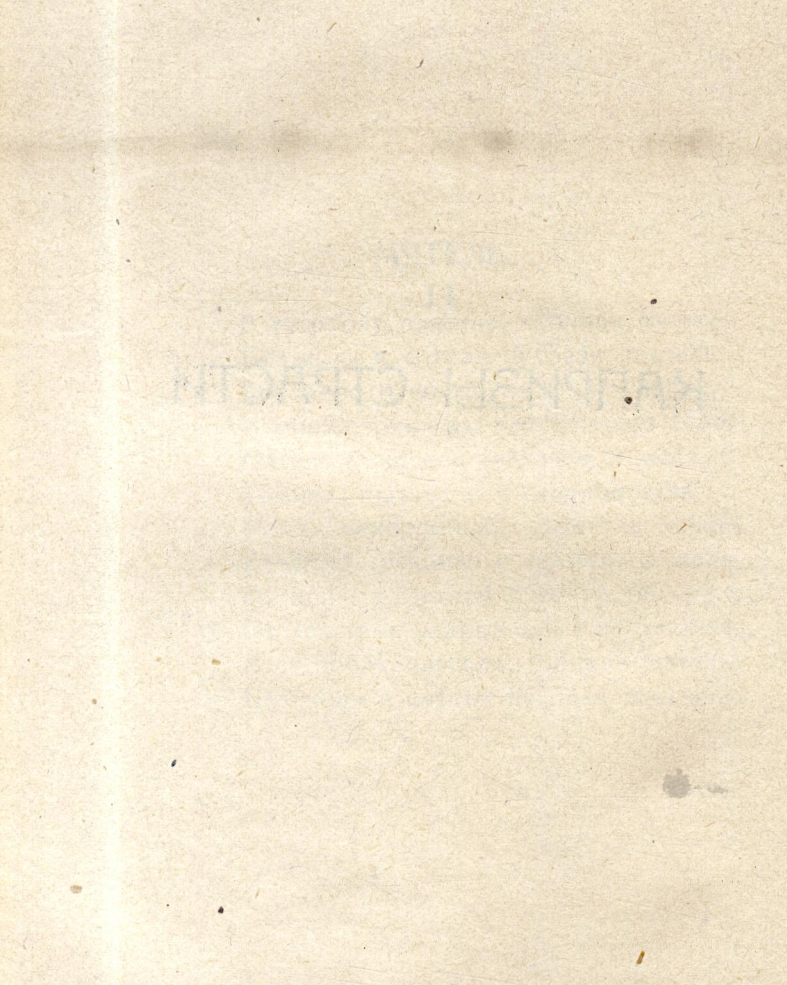
Он—вихрь, летит с тоской напѣвной,
Ломает сучья в бурѣ гнѣвной,
Как море он безбрежный...

МЯТЕЛЬ.

В сугробах плясала, стонала мятель,
Без края в снѣгах пуховая постель...
Все бѣло и чисто, не видно дорог,
И облик природы так холодно строг!
Мятель бичевала морозом и жгла,
Томила, пытала и с саваном шла.
Напѣв похоронный... Звенѣла печаль,
Безумно тоскливо и прошлого жаль...
От пыли алмазной очей не раскрыть,
От хлѣстких ударов лицо не закрыть,
В сугробах плясала, стонала мятель,
Без края в снѣгах пуховая постель...

II.

КАПРИЗЫ СТРАСТИ.

ЛЮБОВЬ.

Нѣжной сказкой
С тихой лаской
Снова вѣет,
Птицей рѣет,
Чуть волнует
И цѣлует,

То любовь

Ах, щекочет
И хохочет,
Властно манит
И дурманит,
И трепещет,
Искрой блещет,
То—любовь.

Ждет мгновенья,
Дуновенья,
Ищет встрѣчи,
Ловит рѣчи,
И краснѣет,

И блѣднѣет,
То — любовь.

Миг тоскует,
Иль ликует,
Все мечтами
Как цвѣтами
Осыпает,
Улетает,

То — любовь.

Так безумно
И бездумно
Признается,
Отдается
Жадно счастью
С жгучей страстью,
То — любовь,

ЕГО ГЛАЗА.

Его глаза как бархатная мгла,
Что сътъ таинственно сплела.
Его глаза как волны в бури час,
Что жуткой бездной манят нас.
Его глаза как арфы звук в тиши,
Что шепчет робко нам „спѣши“.
Его глаза... нѣтъ красок у меня,
Чтоб передать их блеск огня.

Это призрак счастья
Манит вновь тебя,
Нѣжных ласк, участья
Ты не жди, любя.

Поцѣлюя сладким
Быть не суждено
И надеждам кратким
Миг блеснуть дано.

Мчится яркой птицей
Счастье мимо нас,
Мчится в колесницѣ
Может быть не раз.

Дерзкій и умѣлый
Счастье грёз лови,
Робкій и несмѣлый
Сердце рань в крови ..

Это—призрак счастья
Манит вновь тебя,
Нѣжных ласк, участья
Ты не жди, любя...

ШУТКА.

Мэри как-то мнѣ сказала
 В вихрѣ вальса, в шумѣ бала:
 —Вы навѣрно звѣздочет,
 „Астроном, и вѣрный счет
 „Всѣм свѣтилам и планетам
 „Чет вы знаете, нечет.“
 —Отчего?—сказал я,—Мэри,
 „Фея, ласточка и пери,
 „Отчего-же астроном,
 „А не просто агроном?“
 Рѣчь моя ее смутила...
 —Я вѣдь только пошутила,
 „Но в очах я звѣзд сверканье,
 „Жгучих искр огня мельканье
 „Каждый миг ловлю, всегда.
 „Видно звѣзды иногда
 „Страсти нѣжной вас учили,
 „Пламя вам свое вручили.“

ПРИЗНАНІЕ.

Я люблю тебя утром и в солнечном блескѣ,
В трепетаніи волн, в мелодичном их плескѣ.

Я люблю тебя в полдень, в дыханіи знойном,
В колыханіи ржи упоительно-стройном.

Я люблю тебя в сумерки грез безвозвратных,
В опьяненъи левкоя и трав ароматных.

Я люблю тебя ночью, и в звѣздном сіяньи,
В синем бархатѣ неба, луны обаяньи.

Я люблю тебя в музыкѣ, в красках и звуках
И в безумьи восторга, в страданъи и муках!

ПРИ СВѢТѢ РАМПЫ.

В театрѣ мы... игроу чудной
Свой восхищенный тѣшим взор,
Слѣдим, забыв о жизни нудной,
На сценѣ счастье иль позор...

Героя страстное волненье,
Его улыбка, слёзы, стон,
Его терзанье иль сомнѣнье
Чаруют нас как дивный сон.

Послѣдній акт... Кончают пьесу;
Апплодисменты и цвѣты...
Спустили наконец завѣсу,
Гдѣ сказки странныя, мечты?!

Уходим с смутным сожалѣньем
Вновь к жизни будничной, пустой
И вспоминаем с умиленьем,
Что наслаждались красотой.

Так сердца тайное влеченье,
Нераздѣленная любовь,
Как нестерпимое мученье,
Тревожит и волнует кровь.

Порою грезится нам счастье,
Как ослѣпительный мираж,
Отвѣтъ, и ласка, и участие,
Влюбленных нѣжность — вѣрный страж.

Желанный призрак, упоенье
Мгновенны как в театрѣ блеск,
При свѣтѣ рамп настроенье,
Капризных волн обманный плеск.

Вся пышность ярких декорацій
Блѣднѣет в сумерках души,
Как ночью бѣлый цвѣтъ акацій;
Рыданье скорбное в тиши ..

ВЗГЛЯД.

То лукавой и нѣжно игривой,
То вдруг страстной и томной волной
Взгляд твой искрой скользит шаловливой
И балуется дерзко со мной.

Молчаливы уста, не смѣются,
Только очи как звѣзды блещут,
И лучи, зажигая, все льются,
Покорить меня звѣзды хотят.

На пути как нарцис бѣлоснѣжный
Расцвѣтает твой взгляд огневой,
И лукавый, и чутко прилежный,
В грудь кинжал он вонзает мнѣ свой.

ОЖИДАНИЕ.

Так страстно ожидала встрѣчи,
Поймать один хотя-бы взгляд,
Услышать голос, его рѣчи—
Плѣнителен и сладок яд...
О, счастье, близится мгновенье...
Шаги, слова,—да, это он!
Как зной иль вихря дуновенье...
Но кратки встрѣчи, дивный сон!
Хочу сказать, что пережито,
Молчу, и опускаю взор...
Томленье с нѣгой в сердцѣ слито,
А я молчу, болтаю вздор...
Ужель опять, ужель разлука?!
Ушел! Грущу я как всегда,
И мысль моя—стрѣла из лука
Летит к нему туда, туда!

ИСКОРКИ.

Блеснут, мелькнут
Улыбкою жгучей,
Прильнут, сверкнут
Страстью кипучей.
Вот побѣжали,
Вот задрожали,
Одна, другая,
Мчась, убѣгая,
В танцѣ воздушном,
Нѣгѣ послушном
Быстро слились.

Я вспоминаю наши встрѣчи,
 Спокоен взгляд, серьезны рѣчи,
 Ты — сильный, властный, безмятежный,
 Обворожительный и нѣжный.
 Мгновенья шли, полны улады
 И упоительной отрады.
 Свиданья — миг, безумно кратки,
 Вдвойнѣ часы нам были сладки.
 Как тяжела тогда разлука!
 Острѣй кинжала в сердцѣ мука!
 Зачѣм, зачѣм ты уходил?!

.

Ты уходил, другія страсти
 Вновь покоряли меня власти.
 Твой образ милый и прекрасный
 Блѣднѣл, далекій и неясный...
 Но всѣ былыя увлеченья
 Не дали счастья мнѣ — мученья.
 То отклик странный-ли, случайный,
 Опять мнѣ шепчет голос тайный:
 Зачѣм, зачѣм ты уходил?!

ХОЛОД ЖИЗНИ.

Никого не любя и никѣм нелюбимые,
Но жестокой судьбой почему-то гонимые,
В тайном, странном, нѣмом с томной грустью
вѣнчаніи
Мы свершаем свой путь в одиноком молчаніи,
Как в безлюдной холодной пустынѣ.

Солнце знойное ласк, и безумств, и пыланія,
Жгучей страсти угар, дерзость мысли, желанія
Далеки, мимо нас... наша жизнь—отраженіе,
В сонных водах пруда тучек бѣлых движеніе,
Счастье наше как горечь полыни.

ВСТРѢЧА.

Как рыцарь юности моей
Весной прорѣзали вы путь,
Суровой нѣжностью рѣчей
Не раз заставили вздохнуть.

Я помню жаркій, пылкій спор
И наши дѣтскія мечты,
Весь этот странный, милый вздор,
Как много было красоты!

Разстались мы. Прошли года,
Промчались как миг один
Какая встрѣча! Вы-ли, да?
Вернулась страсть как властелин.

Зажглись прежніе огни,
Безумье вспыхнуло, любовь;

Отдайся счастью и усни,—
Шептало сердце, грезя вновь.

Но жизнь оставила печать,
У вас морщины на челѣ,
Вы разучились мечтать—
Гдѣ свѣточ ваш? Погас во мглѣ.

И тихо голову склоня,
Сказала я: „ах, вы не тот,
„Вы не герой уж для меня,
„Напрасно все—ах, вы не тот!“

Мы разошлись—и навсегда.
Мнѣ было жаль увядших роз,
Но воскресить, о, никогда,
Я не могла погибших грѣз!

Не вѣрь обманчивой волнѣ
И счастью сладкому во снѣ;
Не вѣрь губительным цвѣтам
И упоительным мечтам,
Не вѣрь надеждам и любви,
Не жди его и не зови!

В нѣжном, лунном сіяньи
Я вечерней порой
Жду в нѣмом обаяньи,
Увлеченный игрой.

Снова грезятся сказки,
Опьяненье любви,
Взгляды, рѣчи и ласки,
Жар, волненье в крови.

Но довольно миражей,
Одуряющих снов,
Этих ярких витражей
И обманчивых слов!

Не хочу заблужденья,
Сладкой нѣги и лжи!
Миг тяжел пробужденья,
Гдѣ-же счастье, скажи?!

ОТРЫВОК.

Судьбы измѣнчивый каприз
Столкнул однажды нас случайно,
Казалось все необычайно,
Как чудный, красочный эскиз.
Меня влекли к себѣ глаза
Загадкой снов необ'яснимой;
Пришла любовь, пришла гроза
Как вихрь слѣпой, непобѣдимый.
Меня плѣняли, знайте, в вас
Блеск, утонченность, мягкость чувства
И каждый день, и каждый час
Влюбленность милая в искусство...

III.

СУМЕРКИ ДУХА.

Я вас люблю, мои печали,
И нѣжный траур мнѣ милѣй
Чѣм для бойца звон гибкой стали
Иль для влюбленных тѣнь аллеи.

Средь них кортеж надежд блестящій,
Мечтаній смѣлых вихрь слѣпой,
Но все прошло как дым летящій,
Умчался дерзкій, шумный рой.

Я вас люблю, мои печали,
Впиваю сладкій грусти яд;
Вы искру с нѣжностью вѣнчали,
В них трели дивныя звенят.

ИЗ ПѢСЕН СКОРБИ.

В сонмѣ рыданій,
В дымкѣ вуалей,
В морѣ страданій,
Жгучих печалей
Ищем мы счастья,
Доли свободной.
В бурях ненастья,
В тьмѣ безысходной
Мечемся, стонем
В мукѣ безумной;
Гибнем и тонем
В скорби бездумной.

НАШ ПУТЬ.

Мы идем как слѣпые кроты,
И безцѣлен короткій наш путь.
Каждый день отрываем листы
И спѣшим, чтоб в землѣ отдохнуть.

Для чего эти муки и стон,
Идеалов, стремлений угар,
Эфемерный, сверкающій сон,
Для чего жалкій страсти пожар?

Сколько мыслей, волненій, труда,
Сколько тайных, безмолвных скорбей!
Промелькнем, не оставив слѣда
Безполезно растраченных дней.

ЭЛЕГИЯ.

Безсильно слово
Напѣвом снова
Аккорд созвучій
Создать могучій.
Безмолвна лира.
Напрасно мира
И пѣсен просит.
Так жизнь уносит
Бурля потоком,
Видѣнья, сны,
Дары весны!

В покоѣ мертвом спит душа,
Порыв, восторги гдѣ, волненье?
Лѣниво, молча, не спѣша
Живу я в будничном плѣненьи.

Порой печалит сумрак дней,
Иль безпокойный мучит голод,
Кругом все кажется мрачнѣй,
Сжимает сердце тайный холод.

Умчался быстрый страсти шквал,
Не искушает опьяненьем;
Куда, зачѣм меня он звал,
Манил бѣсовским наводненьем?!

МИРАЖИ.

Дитя несмѣлою рукою
Поймать стремится солнца луч,
Увы, обманчивый мираж!

Когда-ж с безумною тоскою
Мы говорим: „Люби, не мучь!“
Вновь призрак счастья и мираж.

И если славы колесница
Подхватит избранных на миг,
Ложь, сновидѣнье и мираж.

Но вот костлявая десница,
Беззубой смерти страшный лик—
Исчезло все как дым, мираж.

СНѢЖИНКИ.

В вихрь странном
И туманном
Так безбрежно,
Неизбѣжно
Вот снѣжинки
Как пылинки
Заметались,
Опускались
Все на землю...
Вѣтру внемлю,
И мечтаю,
И вздыхаю
О видѣньях,
Сновидѣньях,
Что манили
И пьянили,
Ускользая,
Увлекая...

MEMENTO MORI.

Жизнь наша—мгновенье одно,
 Так пусть-же кипит и бурлит!
 Пусть пѣнятся дни как вино,
 Нам смерть торопиться велит.

К источнику знанья прильнем,
 Извѣдаем бурю страстей,
 Всю сладость у жизни возьмем,
 Извивы украсим путей.

Безмолвная Парка стоит,
 Костлявую руку кладет,
 Упорно, ревниво глядит
 И тонкую нить оборвет...

Нам медлить нельзя, мы спѣшим
 Безумьем упиться скорѣй,
 Вѣрнѣе печаль сокрушим,
 Промчится поток веселѣй.

Жизнь наша - мгновенье одно,
 Так пусть-же кипит и бурлит!
 Пусть пѣнятся дни как вино,
 Нам смерть торопиться велит.

Если хочешь восторгом упиться,
В трепетаніи с воздухом слиться
И летѣть в вышину безпредѣльно,
И отдаться мечтѣ безраздѣльно,
Убаюкай себя и усни.

Если хочешь, дрожа и ликуя,
В бездну страшную падать морскую,
А потом будто в люлькѣ качаться,
Забавляясь волной, улыбаться,
Убаюкай себя и усни.

Если хочешь ты счастье извѣдать,
Ни сомнѣній, ни муки не вѣдать,
И, познав все блаженство экстаза,
Засверкать словно грани алмаза,
Убаюкай себя и усни.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ.

Жизнь не пѣнится как море,
Скука свѣтится во взорѣ;
Монотонный, нудный день
Ускользает словно тѣнь.

Путь безплодною борьбою
Мнѣ отмѣчен злой судьбою,
Крылья связаны, полет
Скован холодом как лед.

Той завѣтною мечтою,
Той манящей красотою,
Что сверкала иногда,
Не владѣть мнѣ никогда!

Юность львиною отвагой
Опьяняла, хмельной брагой;
Все низвергнуть, осудить,
Все готова побѣдить.

Юность вѣрила и ждала,
Сколько чудных грез создала!
Беззаботна и свѣтла,
Пролетѣла, как стрѣла.

Осень с мягкою тоскою
Щедрой сыплет мнѣ рукою
Листья желтые — сквозь сон
Слышу вѣтра тихій стон.

СОМНѢНІЕ.

Червь точит хрупкій лепесток,
Сомнѣнье губит мой цвѣток.
Волна разрушит скал гранит,
А сердце слѣд страстей хранит.
Ужели призрочно как сон,
Как отдаленный тихій звон
Улыбкой счастье не блеснет
И не смягчит печали гнет?

ЭСКИЗ.

На кладбищѣ, суровой зимой
Странно нѣжный, замерзшій, нѣмой,
Я любила вѣнок бѣлых роз.

Весь искрился в нем каждый цвѣток,
Кружевной, разрѣзной лепесток,
Цѣпь сверкала брильянтовых слез.

Так видѣнья застыли во мнѣ,
В роковом, ледяном полуснѣ,
Воскресить я тѣней не могу.

И печально гляжу все на них,
Рвется слабый, безпомощный стих...
Но цвѣты я мои берегу.

СМЕРТЬ.

По краю бездны мы скользим
С улыбкой легкой и безпечной,
Цвѣты весны, снѣжинки зим
Мелькают в пляскѣ быстротечной.

И в хороводѣ мы кружим,
Встрѣчаем счастье или слезы,
Порой с Амуром мы дружим,
Лелѣем славы дерзки грезы.

Но тихо входит к нам она,
Старуха дряхлая, сѣдая,
И обрывается струна,
Звenea, и плача, и рыдая...

ЭЛЕГИЯ.

Жизнь проходит как сон без видѣній,
Краски тусклы, и рой привидѣній
Шутит глупо, наряженный, бальный,
В пестрых масках скользит карнавальный.
Мелки чувства и пошлы стремленья,
Сердце жаждет с тоской обновленья,
Дѣла ищет, борьбы и сгоранья.
Но печальная пѣснь умиранья
В тихом сумракѣ мягко трепещет,
Там вдали что-то яркое блещет.
Это розы в грязи увядают,
Свѣтлый геній над ними рыдает...

IV.

ПОРТРЕТЫ.

UOBTBETP

ВСАДНИКЪ.

День догорает, и сумерки легкой дымкой
спускаются,
Осень ковер золотой разостлала в лѣсу,
В гору всадник высокій на бѣлом конѣ
поднимается,
Смотрит с тоскою на листьев багряных
красу.

Он без устали ѣдет вперед, все вперед,
Одинокій, в ночной тишинѣ,
И далек его мысли печальный полет,
Он во власти мечтаній, во снѣ.

В край завѣтный на крыльях он грезы
спѣшит,
Там и счастье, и слава, и блеск,
Лучезарное солнце печаль сокрушит,
Убаюкает волн трепетанье и плеск.

Он весь—огонь и дерзновенье,
Движенья рѣзки, рѣчь сурова,
Кипит и блещет вдохновенье
Лица насмѣшливаго, злого.

Краснорѣчив, умен, безстрашен,
Он из желѣза и гранита
И всякой доблестью украшен—
В нем сила, твердость монолита.

Как демон гнѣвный, он прекрасен
И сатанинскою мечтою
Влечет он, жуткой красотою,
Но берегитесь—он опасен!

Она—блондинка,
Она—кокетка,
Ее люблю.

Носок ботинка,
Иль шу, эгретка,
Я все ловлю.

Ах, эти глазки
Влекут, ласкают
Как солнца луч!

О, фея сказки!
Скользит, порхает
И взгляд так жгуч.

Утро прелестное. Снѣг под ногами хрустит,
Инеем лѣс пріодѣлся нарядно.
Тройка запряжена, быстро как вихрь полетит,
Щеки мороз только щиплет изрядно.

Шапку надвинул, плотнѣе шубу запахнул,
Сам правит тройкою ловко и бойко.
Яркое солнце! Вѣтер холодный подул,
Эй вы соколики, держитесь-же стойко!

Губы коралла алѣй, снѣг усы серебрит,
Слышится пѣсня бубенчиков звонко.
Кровь заиграла быстрѣй... Иней горит...
Кружево вѣток и нѣжно, и тонко.

В хорошем настроеньи

Он рыцарски галантен,
Спокойно элегантен.
Изящна эспаньолка,
Очам его креолка
Завидовать могла-бы;
Всѣ выраженья слабы...

В плохом—же настроеньи

Он ежится и злится,
И зябнет, и бранится,
Как бабушка ворчунья,
Сердитая вѣщуныя...

Она застѣнчива и молчалива,
И не измѣнчива, не шаловлива
Дѣвичьи плечи...
Как тихи рѣчи...
О, милый профиль!
Сам Мефистофель
Был-бы смущен
И укрощен.
Ее томили
Средь бѣлыхъ лилій
У водъ зеркальных
Грезъ музыкальных
Сѣть, вереницы...
Любви страницы...

Из глыбы гранитной и стали
Природа его создала,
Другіе сдались и устали,
Его-же душа расцвѣла.

Упрямый и сильный, свой молот
Он вновь поднимает и бьет,
Отважен, и дерзок, и молод,
На горнѣ желѣзо кует.

Единая, властная воля
Не знает оков и преград,
Средь поля, широкаго поля
Лишь вѣтер могучій ей брат.

Под крѣпкой защитой кольчуги
Давно в очарованном снѣ
Спит сердце, и в сказочном кругѣ
Мечтает о яркой веснѣ.

МАРКИЗА.

Бойко, быстро на машинкѣ
Стук, стук, стук!
Гладко все, и без запинки
Стук, стук, стук!

Вы для меня маркиза
Стариннаго портрета,
Для вашего каприза
Дуэль из пистолета;
Был ранен граф прекрасный,
Поклонник пылкій. страстный.
Балкон и серенады
Версаля иль Гренады,
При блескѣ ярком, лунном,
Гитар оркестрѣ струнном,
Вот кинули вы розу,

А он поймал как грёзу
И пил благоуханья,
Скрывая воздыханья...
Колье из аметиста,
Из тонкаго батиста
Платочек несравненный
Да фижмы, вѣер цѣнный...
За туфелькой атласной
Ревниво и напрасно
Слѣдил Отелло, гнѣва
Не заслужила дѣва...

Бойко, быстро на машинкѣ
Стук, стук, стук!
Гладко все, и без запинки
Стук, стук, стук!

МОЙ ЗВЪРИНЕЦ.

(отрывок.)

Унылый, скучный департамент,
Как ненавижу я тебя!
О, пыльный, грязный апартамент,
Сию я в нем, душой скорбя.
Безсмертных типов вереница
Проходит стройной чередой,
Мертвы иль пошлы эти лица...
Вот старичок летит съдой,
Журнал ведет он исходящій
С нѣмой покорностью судьбѣ,
Спѣшит скорѣй в час подходящій
Бумаги сдать—вѣдь жизнь в борьбѣ!
Всегда изяшный и галантный,
Он к милым дамам так и льнет,
Разскажет анекдот пикантный
И знает всѣ на перечет
Шантаны, кино, рестораны,
Влюблен он в соус провансаль,

Ликером лечит сердца раны
В саду „Эдем“ или „Версаль“.
Ничто не скроется от взора
Пытливых, зорких его глаз,
В толпѣ крамольника иль вора
Повѣрьте, отличит сейчас...
Знаком с участком очень близко,
Он там свой человек и друг,
Пред ним всѣ фараоны низко
Сгибают спины—толпы слуг...
А вот почтенная мамаша
Десятка рослых сыновей,
Лицо киргиза иль чуваша,
Очки, отсутствіе бровей,
Пучок волос лишь на макушкѣ,
Да взгляд язвительный и рѣчь,
Клубника, гуси и подушки
Способны мысль ея привлечь...

Журнал входящій потихоньку
Мамаша каждый день ведет
И на досугъ полегоньку
Чулок свой вяжет как придет.
От скуки, сидя без работы,
Порою любит и вздремнуть,
Забыв мірскія всѣ заботы,
Умѣет маменька всхрапнуть...
Но берегитесь мамашу
Хотя словечком вы задѣтъ,
Заварите такую кашу!
За тридевять земель летѣть!
В карман за словом не полѣзет
И отчитает, ей-же ей,
Чужда мечтаній и не грезит...
Покончим мы однако с ней
И перейдем скорѣй к „мамусъ“,
К веселой вдовушкѣ Лизет.

Поклонники мужчины душъ
Игривый шлют всегда привѣтъ,
Умѣнье нравиться — наука,
Не всякій мог ее постичь,
Награда — жгучей страсти мука,
Блажен, кто мог ее достигь.
Так в совершенствѣ изучила
Лизет и пудру, и духи,
А в маникюрѣ заключила
И добродѣтель, и грѣхи.
В столѣ с бумагою служебной
Флаконы, щеточки лежат,
И шоколаду гимн хвалебный
Лизет поет; всѣ — всѣ дрожат
Пред львицей вкрадчивой и смѣлой.
Их соблазняет декольте,
Округлость ножки, ручки бѣлой..
Дань перерѣлой красотѣ...

Чулок плѣнителен ажурный,
А смѣх задорный словно мѣд,
В томленьи нѣги, страсти бурной
Сердца мужчин как вешній лед.
Мамуся бойко в кабинетѣ
С начальником заводит флирт,
Как в будуарѣ иль в каретѣ,
Или под тѣнью роз и мирт,
Давно мамаша намекает,
Что дѣло вѣдь нечисто тут,
А журналист не раз мигает
Глазком лукавым—старый плут!
Но что такое предразсудки
Свободной женщинѣ—пустяк!
Пускай смѣются! Нѣтъ, уж дудки!
Лови мгновенье—скажет всяк.
Секунды даром не теряя,
С бумагой вдовушка летит

И плотно двери притворяя,
Срывает ласки и финтит.
Раз в три недѣли об'являют
Мапан с мамусею войну
И друг на друга налетают:
„Паршивкѣ я шиньон сомну!“
Кричит мамаша, потрясая
Столь неизящным кулаком.
И тотчас, воплем ужасая,
Стучит Лизета каблучком:
— Я повторяю, вы торговка,
„На рынкѣ торговать-бы вам,
„Да замолчите-ль вы, чертовка
„Ну, право, ваше мѣсто там!“
Кипит и пѣнится от злости
Мамаша красная как рак,
Барбос Полкану из за кости
Не будет вѣрно, худшій враг.

—Нѣтъ—с, шуры—муры всѣ прекрасно
„Повѣрьте, вижу я насквозь, —
Язвит мамаша,—вѣдь опасно,
„С любезным будьте лучше врозь!“
Как солнце ярко послѣ бури,
Так послѣ драки мир царит,
И небо ясно средь лазури,
Лизет улыбкою дарит,
Мамап скромнѣе говорит.
И снова милою семейкой
Живем мы, тишь у нас да гладь,
Прибавки ждем,—эх рубль с копейкой!
Ну чѣм не Божья благодать!
Начальник наш и повелитель,
Как всѣм извѣстно, не секрет,
Невѣжда круглый, но губитель
Он женских душ и сердецѣд.
И рост высокій, и осанка,

И черный ус, и цвѣт ланит—
Все в нем чарует как приманка,
Для дам чувствительных магнит.
Хоть добрый малый и нестрогій,
Порой он любит подтянуть,
И злой, как пес четвероногій,
Готов вцѣпиться и рвануть.
На зов начальства коридором
Летит мгновенно как стрѣла,
И льстивым, мягким разговором
Очки втирает, вот юла!
Он на бумагѣ „срочно“, „спѣшно“
Для подчиненных начертит,
Но что получит—вот потѣшно,
Лишь под сукном стола блестит.
Он сильным скажет осторожно,
А слабых прижимает всласть,
Бранит, преслѣдует безбожно,

Всегда старается напасть.
Вот юмор жизни, вот набросок,
Могу слегка я пошутить:
—Иван Иванов, папиросок
„Бѣгите мнѣ скорѣй купить!“
Иван Иванов наш покорно
„Кадо“ десяток принесет,
В душѣ он злится непритворно,
Велит начальство—все снесет.
Женѣ начальника котлеты
Понадобились первый сорт,
Начинка ей нужна в паштеты,
Арбуз иль сливы, к чаю торт.
—Иван Иванов, тут-же близко,
„Вот на расходы пять рублей...“

Говорит он в упоеньи,
В голосъ слеза,
В патетичном настроеньи
Чуется гроза.

— Смѣло, дерзко с пьедестала
„Свергнем мы кумир!
„Не забыть вам карнавала!
„Страшен будет пир!
„Мы разрѣжем гобелена
„Красочный узор,
„Эх, ударом-бы полѣна
„Мрамор да фарфор!
„Всѣх накормим мы голодных
„И раскроем погреба.
„Царство пьяных и свободных!
„Смерть буржуям! Местъ груба!

Говорит он в упоеньи,
В голосъ слеза.
В патетичном настроеньи
Чуется гроза.

— Кто был в лавочкѣ, скажите?
„Есть-ли масло, перец, лук?
„Гдѣ картофель, укажите,
„Бсть хочу, о бездна мук!
„Тяжела моя запряжка,
„То на службѣ, то в хвостѣ,
„С керосином вот баклажка...
„Что? Анкета? „Ять“ иль „е“?
„Большевистским вѣдь декретом
„Уничтожен твердый знак,
„Обращаюсь за совѣтом:
„Написать-ли точно так?
„Вдруг за ижицу уволят
„Без чинов и без наград?!
„Строгость нынче, не мирволят!
„Да-с, я грамотѣ не рад!“
Как жестоко это время,
Давит плечи жизни бремя,
Счастлив был пѣвец свиданьем
С милым, нѣжным он созданьем.
А теперь спѣшит на рынок—
Молочка хоть пару кринок!

БАСНЯ.

Холеный, чистокровный барин,
Он занимал высокій пост,
Хитер и зол как змѣй Тугарин,
Но не умен, подчас-же прост.
Умѣл он потихоньку гадить
И притаиться за углом,
В передних кланяться и ладить,
Угодничать и бить челом:
Хлестнуть иных по самолюбыю
И вызвать слезы, бурю, гнѣв.
Предѣла нѣтъ корыстолюбыю:
Герой наш, быстро осмѣлѣв,
Спускает партію какао,
Желѣзо, мыло иль муку,
Так иногда игрок в макао
Фортуны ловит на скаку.

На службѣ странное хищенье,
Темна вода во облацѣх,
Керенок в злато обращенье,
Что это — шайка или цех?
Увы, измѣнчива богиня,
Возмездье! Ёдет ревизор,
Удачлив ты или розиня,
Уйти нельзя — вот так позор...
Бумаги стопы исписали,
И шелк на счетах день и ночь,
Изгрызли ручки, искусали...
Ну, слава Богу, сутки прочь.
Но гдѣ же гордый и смиренный,
Гдѣ он, виновник торжества?
Удѣл печальный, неизмѣнный!
Он там — „Гороховая два“.

Да-с, в нашей сѣверной коммунѣ
Буржуй иль алчный спекулянт
То-ж, что пловец на утлой шхунѣ,
Или неловкій дуэлянт.
Гонцы в Совдеп, да к комиссару,
И каждый день, и каждый час
Летят смягчить жестоких кару,
Но всюду стоп и всюду пас.
Но он не подданный голодный
Великорусской злой земли,
Он—сын Украйны хлѣбородной,
Германец, смилуйся, внимли!
Под сѣнью грозных бастіонов
Он в Петропавловкѣ сидит,
Ах, большевистских вкус законов
В нем страсть к декретам охладит.

Герой опять наш на свободѣ,
Взглянул он вновь на бѣлый свѣтъ;
Живучесть есть в его породѣ—
Как кошка: сбрось, замѣтки нѣтъ.
Мораль сей басни презабавна:
Коль просидѣл ты твердый стул,
Тяни свой груз лишь преисправно,
Как добрый, тихій, кроткій мул.
Бѣги скорѣй от искушенья
Как сатанинскаго влеченья.
Мѣшечник мѣрит барыши,
А ты знай счеты да пиши!

У.

КРУЖЕВНЫЕ ЗАМКИ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ЕЯ РОМАН.

Вот вам сказка или повѣсть,
Как подскажет чутко совѣсть,
В ней не подвиг бранной славы,
И жестокий, и кровавый,
В ней не шутки Арлекина,
Не смѣялась Коломбина.
Разскажу вам без искусства,
Как могуче было чувство.
Прочитайте повѣсть эту,
Вы повѣрите поэту.
Все случилось пред войною.
Вслѣд за нѣжною весною
Появилось в зноѣ лѣто;
Сколько красок ярких, свѣта!
Поѣзд мчится будто птица,
Приближается граница.
Экскурсанты—молодые,
Есть и головы сѣдые.

У окна столпились; рѣчи
Жадно ловят; близки плечи.
Скоро будут на чужбинѣ,
Покоряясь судьбинѣ;
Как-то нѣмец там рѣшает,
Поучиться не мѣшает.
Как стрѣла несется время;
Экскурсантов шумных племя,
Свист забыв локомотива,
В ауто весело, ретиво
Сѣло быстро, по Берлину
Вопреки родному сплину
В упоеніи летает
И восторгов не считает.
—Грандіозно, копоссально“,
Повторяет моментально.
Мрамор, бронза без движенья,
Сил безмолвных отраженья.

Зданій пышных вереницы,
И величія страницы.
Школы, парки и музеи...
Разбѣжались ротозѣи.
Впечатлѣнья безконечны.
А мгновенья быстротечны.
Посмотрѣли блеск рейхстага,
Закупив Вертгейма блага,
Съѣв сосисок, пили пиво,
Восхищались всѣм. О, диво!
Средь толпы их суетливой,
Разношерстной и болтливой,
Был учитель, тихій, скромный;
Взгляд очей печальный, томный,
Говорил он очень рѣдко,
Но умно всегда и мѣтко.
С ним жена — мѣщанка злая,
Жгучей ревностью пылая,

Все слѣдила: переменны
Нѣтъ-ли в мужѣ да измѣны.
Рысѣй взгляд и острый носик,
С уст безкровных: „Милый Тосик!“
Слышно было поминутно,
Загубило жизнь попутно.
Страсти нѣтъ без опасенья,
О, безумье потрясенья
Бездну счастья раскрывает
И мечтанья навѣвает.
Вот студентка с сердцем нѣжным,
Безпокойным и мятежным,
Заглянула в грустны очи,
Отравила ядом ночи.
И с тѣх пор в толпѣ нестройной
Притаились с нѣгой знойной
Двое любящих в томленьи.
Все слилось в одном моленьи,..

Встрѣчи кратки, боязливы,
А бесѣды так пугливы...
Каждый думал: „Что со мною?!“
Поражен был глубиною
Бурных чувств, переживаній
И нѣмых очарованій.
Мрак собора, блеск картины—
Все любовной паутины
Нить сплетало кружевную,
Хоть и тонкую—стальную...
Дни летѣли незамѣтно,
Впечатлѣнья шли несмѣтно.
Дрезден, тихій и уютный
Осмотрѣв, с печалью смутной
Покидали, и Мадонной
Рафаэля свѣтски—тонной
Любовались всѣ немного,
А потом и в путь дорогу!

Средь высоких скал суровых
В развлеченіях здоровых
Отдохнули экскурсанты,
Но... спѣшили их куранты...
Вверх и вниз, к снѣгам, в долину
Шли, песок мѣшали, глину,
Созерцали водопады,
Брали приступом преграды;
И с гигантской горной арки,
Там, гдѣ краски пышно ярки,
Наслаждались простором,
Безконечным кругозором.
Из ключей кристально чистых,
Струй волшебнo серебристых
Влагу пили, утоляя
Жажду, Небо восхваляя.
Он был в грустном ожиданьи,
Что прервутся их свиданья,

Нѣизбѣжна тѣнь разлуки,
Бездна ужаса и муки...
Взгляд ея любовь, участие
Выражал и вѣру в счастье;
Но ни разу с уст признанье
Не сорвалось, и сознанье,
Что с женой он связан долгом,
Все молчаньем скрыло долгим.
Упиваться тишиною,
Теплым вечером, луною
Приходилось лишь с женою...
Ревность чутко обострилась,
И предчувствіе явилось;
Чуть какое подозрѣнье,
Тотчас гнѣвное презрѣнье,
Сцены, вздохи, крики, слезы,
Жалкой брачной жизни розы...

— — — — —
— — — — —

Заиграл профессор старый,—
Баркароллы дивной чары...
Вслѣд ноктюРН звучал Шопена,
Сладких звуков трель и смѣна...
Слились взгляды в упоеньи,
В музыкальном настроеньи...
О, блаженство! Сердца трепет!
Душ безмолвный, страстный лепет!
Не в лобзаньи откровенье,
Не руки прикосновенье
Дарит счастья высшій миг;
Созерцать любимый лик
И впиваться безотчетно
В глубину очей несчетно—
Вот безуміе любви!
В нем восторги грез лови!
В чащѣ листьев, сучьев лѣса,
Гдѣ зеленая завѣса,
И у шумнаго каскада

Им почудилась менада,—
Всюду их лилась бесѣда;
В ней мечтанья, пылкость бреда,
Настроенья, полутоны...
Мировых задач мильоны...
Вспоминали Ницше, Канта,
Но хранили нѣгу Данта.
В спорах строго отвлеченных,
В разговорах утонченных
Невидимкой духи страсти
Прилетали в блескъ власти.
С тихой робостью, краснѣя,
Он об узах Гименея
Говорил: „Тяжелый, крестный
„Предо мной путь неизвѣстный,
„Тихо голову склоняю,
„Клятв своих не измѣняю.
„Вы счастливых дней достойны
„И не будете спокойны

„В одиночествѣ молчанья,
„До мгновенія вѣнчанья.“
Трепетала от волненья:
Сны погибли! Нѣтъ сомнѣнья,
Что мечтать о нем опасно,
Не отдастся ей! Напрасно!
Недозволеннаго грани,
Предразсудкам дряхлым дани
Разлучали их навѣки.
Скорбный взгляд, сомкнулись вѣки...
Цвѣтъ левкоя ароматный
Сладко пахнет в час закатный,
И послѣдній луч печальный,
Свой пурпурный свѣтъ прощальный
Солнце шлет нам, тонет в морѣ.
Мрак... и ночь, с сіяньем в спорѣ.
Лист багряный, лист осенній,
Вѣстник холода и тлѣній,
Ярче он чѣм луг весною,

Освѣщенный там луною.
Так в любви весь пыл горѣнья
И глубины озаренья
В час предсмертный разставанья...
Гибнут мары, упованья...
—В обѣтованном мы краѣ,
„Не в земном-ли только раѣ,“
Всѣ твердили, уѣзжая,
Нѣмцев прямо обожая.
Из чудеснаго шли міра,
Воздвигали храм кумира.
(А теперь его с размаха
Превратили в горсти праха...)
Снова близится граница;
Экскурсантов вереница
Дефилирует в таможенѣ,
Прячет все поосторожнѣй.
Промелькнули и заставы,
Наконец свои уставы!

Нам родная грязь милѣе,
Снѣга чище и бѣлѣе.
Безпорядок, грубость краше,
Оттого, что это наше!
На прощанье в ресторанѣ
Приложили всѣ старанья.
Не финал сентиментальный,
А безжалостно фатальный
Ожидал, увы, героев.
Шутку злую им подстроив,
Рок с издѣвкой посмѣялся,
Погубить их счастье взялся.
Не могли промолвить слова;
Ко всему жена готова,
За супругом шла упорно,
Увлекла его проворно:
„Тосик, живо, и без спора!
„Ѣдем в город! ПоѢзд скоро!
„У меня дѣла, покупки“!

Принужден был на уступки...
Пораженная как громом,
Погостить к своим знакомым
Героиня направлялась...
Но средь флирта, развлечений,
Мимолетных увлечений
Не забыла глаз влюбленных
И мечтою окрыленных,
Слов лучистых и безумных,
Вдохновенных и разумных.
Тайной страстью пламени
И в тоску нѣмой блѣднѣ,
Одинокій, в отдалении
Грезил мягко в утомлении.
Как сквозь сон он слышал звонкій,
Надоѣдливый и тонкій
Голос скучной благовѣрной,
И придирчивой, и скверной.
Он о „ней“ мечтал безбрежно

Как о розѣ бѣлоснѣжной.
Заглянула так глубоко,
Обнажила скорбь жестоко;
Зажигая дерзновенно,
Отошла легко, мгновенно.
Средь холодных, безучастных,
Неврастеников, несчастных,
В царствѣ пошлости и прозы,
Гдѣ страшат цвѣты морозы,
Он любви воспоминанье,
Как отверженный в изгнаньи
Сохранил и возлелѣял,
Дымкой облака овѣял...
Грустен был конец романа,
Но без лжи и без обмана.
Мой цвѣток мечты нетлѣнный
В чарах нѣги вѣчно плѣнный,
Для того благоухает,
Кто порой в тоскѣ вздыхает.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА.

(Сказка.)

Дѣйствующія лица:

Царевна.

Волшебница.

Принц.

Дѣйствіе I.

(Маленькая комната в башнѣ замка. Простая кровать. Стол и скамья. На столѣ глиняный кувшин, кружка, краюха хлѣба. У окна сидит волшебница и прядет—перед нею веретено. Около нея большая толстая палка.)

Волшебница.

Я жду, я жду шестнадцать лѣтъ;
Да, мечь мою увидит свѣтъ.
На пир меня царь не позвал,
Пришла сама я к ним на бал;
Взглянула я на колыбель
Царевны, думаю—ужель,
Подарками окружена

Для счастья в жизни создана?
 Глубоко злобу затая,
 В тот день поклялась твердо я:
 Царевнѣ юной суждено
 Погибнуть; смерть—веретено!
 Царь веретена сжечь велѣл,
 Найти одно лишь не сумѣл.
(Встает и стучит палкою.)
 С тѣх пор прошло шестнадцать лѣтъ,
 Да, месть мою увидит свѣтъ.
 Ждут в замкѣ нынче жениха,
 Напрасно все—ха-ха, ха-ха!
 Настал мой день, желанный час,
 Теперь постигнет гибель вас!

(при этих словах снова садится и прядет.)

Пауза.

(Входит царевна робко, неуверенно, и останавливается у двери.)

Царевна.

(в недоумѣніи оглядываясь,)

Гдѣ я?

Ах, незнакомый уголок,
Боюсь переступить порог.
Старушка тихая сидит,
Упорно на меня глядит.
Сжимает сердце мнѣ тоской,
Как будто ледяной рукой.

Волшебница.

Дитя, не бойся, подойди,
Красавица, не уходи;
Дай, полюбуюсь я тобой,
Довольна-ли своей судьбой?
О, ты прекрасна как цвѣток,
Лицо как розы лепесток.
Так в маѣ яркая весна
Очарованья, тайн полна.

Царевна.

(медленно приближаясь к волшебницѣ)

Ты с нѣжной лаской говоришь
И добротой меня даришь.
Игрушка странная... скажи
Скорѣй, что это, покажи.
Как чудно вертится, кружит,
Куда спѣшит, куда бѣжит?

Волшебница.

Прядет без устали оно,
Всегда мое веретено.
За нитью вьется быстро нить,
И будет чѣм наряд твой сшить.
(нагибая веретено и ударяя остріем царевну в руку.)
До наступленія зари
Во цвѣтѣ юных лѣтъ умри!

Царевна.

(шатается, блѣднѣет и садится на кровать.)

Как душно мнѣ и тяжело!
 Туманом все заволокло...
 В груди моей мученій ад!
 А жизнь цвѣтет—роскошный сад!
 Еще хоть раз взглянуть на мір,
 Блестящій видѣть в замкѣ пир,
 Поцѣловать отца и мать!
 Ах, не хочу я умирать!

Волшебница.

(зловѣще.)

Молчи, в страданіи смиришь,
 Судьбѣ жестокой покорись!

Царевна.

(прерывающимся и дрожащим голосом)

Темно в очах... Нѣтъ прежних сил...
 Послѣдній луч, ты сердцу мил!

Спаси меня, я жить хочу!

Слабѣю... В бездну я лечу...

(падает на кровать и остается неподвижной.)

Волшебница

(подходит к кровати, нагибается и смотрит на царевну в молчаніи, потом выходит на авансцену и говорит торжествующе)

Свершилось все. Как сладко мстить!

Не будет царь теперь шутить.

Навѣки погруженный в сон,

Нѣтъ, не проснется, вѣрьте, он.

С ним спит и пышный царскій двор.

Забыв горячій, пылкій спор,

Умолкли рыцарь и монах,

И лица их—могильный прах.

Застыл на пашнѣ смирный вол,

И пахарь спит, что рядом шел.

Не слышно голоса, рѣчей...
 Как прежде не журчит ручей.
 Блестит на солнцѣ мотылек,
 Но от цвѣтка, увы, далек!
 Кругом растет дремучій лѣс,
 Шатер зеленый и навѣс.

Голос за сценой.

Безсилен страшный твой удар
 Волшебных, злых, бѣсовских чар.
 Проспит царевна двѣсти лѣт,
 Но помни добрый мой завѣт:
 Разбудит принц ее, и в миг
 Весь край проснется, что затих.

*(Волшебница в ужасѣ содрогается, закрывает
 лицо покрывалом и, подавленная, опираясь на
 палку, медленно уходит.)*

Занавѣс опускается.

Дѣйствіе II.

(Та же обстановка, что и в I-м дѣйстви. Царевна спит непробудным сном. Зеленые вѣтки дремучаго лѣса свѣшиваются в окна.)

Пауза.

(Входит принц в блестящем шлемѣ и латах, с мечом у пояса, с копьем и щитом.)

Принц.

(с удивленіем и любопытством оглядывается во-круг, но не замѣчает царевны)

Безмолвье странное царит,
Но голос тайный говорит,
Что все живет в об'ятых сна.
Бокал искристаго вина
Царь поднимает за столом,
А гости бьют ему челом.
У дам улыбка на лицѣ,
В волшебном скованы кольцо.

(ставит к стѣнѣ копье и щит, садится на скамью за стол и опирает голову на руку.)

Как я устал! Тяжел был путь...
 Хотя-б минутку отдохнуть!
 Среди уступов острых скал
 Мой вѣрный конь там жертвой пал.
 Но сильный духом не умрет!
 Отважно ринувшись вперед,
 В дремучій лѣс я шел с мечом,
 Разил чудовищ как бичом,
 И чащу спутанных вѣтвей
 Рубил я много долгих дней.
 Кровавых лѣт остался слѣд,
 Как память этих бурных лѣт.

(Встает; пройдясь по комнатѣ, замѣчает царевну и останавливается перед ней в изумленіи.)

Что вижу я?! О, красота!
 Ты—юности моей мечта!

Так тихо, сладко спит она,
 Как утро вешнее нѣжна.
 Тебя одну хочу спасти
 И счастье дивное найти!

*(Принц преклоняет коленно и цѣлует царевну.
 Затѣмъ видя, что она оживаетъ, въ изумленіи и
 восторгѣ поднимается.)*

Царевна.

*(глубоко вздыхая, открываетъ глаза, поднимаетъ
 руки и встает.)*

Какъ долго, право, я спалъ!
 Тяжелый гнетъ, туманъ и мгла...
 Меня сковали нѣга, лѣнь,
 Царила тихо ночи тѣнь.
 (оглядывается вокруг.)

Да, вспоминаю, вотъ оно—

Волшебницы веретено!
Меня хотѣла погубить
И молодую жизнь разбить.
Но ты пришел, как юный бог,
Спаситель мой! бѣдѣ помог...
Я жить хочу! Блаженства рай,
Тепло и ласка, солнце, май!
Прекрасный принц, как ты могуч,
А взгляд очей как пламя жгуч!

Принц.

(склоняясь перед нею.)

Я цѣлый мір-бы покори́л,
Врагов коварных усмирил,
Богатства всѣ, когда-бы мог,
Сложил как дань у твоих ног.
Повѣрь, царевна, в этот час
Я жизнь отдам для дивных глаз.

(за сценой слышится звон и бряцаніе оружіем; играет музыка; раздаются голоса, восторженные крики.)

Царевна.

(прислушиваясь.)

Ты слышишь, принц, веселье, смѣх,
В разгарѣ пир, волна утѣх.
Пойдем скорѣй, спаситель мой,
Отважный принц, ты наш герой!

Принц.

Царевна, за тобой готов
Итти повсюду и без слов,
Тобой одною лишь живу
Во снѣ блаженном, на яву!
(Берет царевну за руку и уходит.)

Занавѣс опускается.

ОЧАРОВАНІЯ.

(Сказка.)

Сумерки... Темнѣет... А в каминѣ пламя...
Сядь к огню поближе, пусть плывет пред нами
Ярких снов волшебных, тѣней вереница,
Как рубин и жемчуг эта пусть страница
Нѣжит и сверкает. Хочешь слушать сказку?
Для тебя снимаю равнодушья маску,
Теплотою сердца, ясными огнями
Я согрѣю пѣсню, дни пройдут за днями.
На твоей головкѣ, в золотѣ червонном
Искры заиграли... Там в забвеньи сонном
Знаю парк тѣнистый... Хочешь слушать сказку?
Уходи со мною, ты узнаешь ласку
И весны, и солнца, далеко, на волѣ,
И ковёр цвѣточный ты увидишь в полѣ.

— — — — —
— — — — —

Принц зѣвает, бѣдный, часто и безмѣрно,
Надоѣло принцу все и безпримѣрно:
Танцовщицы грубы, а оркестр фальшивит,
Разучился повар и душою кривит,
С каждым днем все хуже подает паштеты...
Парики придворных, черные береты,
Льстивыя улыбки принц не может видѣть,
Презирать-же только или ненавидѣть!
Он—властитель мудрый, и своей страной
Правит точно так-же как моряк волной.
В хижинѣ довольство, радость, мир и счастье,
Хлѣб всегда в амбарѣ — засуха-ль, ненастье.
Баловень Фортуны! Принцу с колыбели
Вились роз гирлянды... соловьины трели...
Он ласкал безпечно дѣв прекрасных, стройных,
И познал блаженство в их об'ятях знойных.

Принц познал восторги безразсудной страсти,
Покоряясь странной опьяненья власти.
Камней драгоцѣнных и сокровищ груды
Глубоко, в подвалах он хранил как чудо.
Наслаждался блеском шелковистых тканей,
Самоцвѣтов рѣдких—побѣжденных даней.
Знал он тайны моря, тайны звѣзд и неба,
И путь лучезарный колесницы Феба.
Надоѣли книги, как и музыканты.
Красотой упился, об'ѣзжая земли,
По морям катаясь, вѣтру, бурѣ внемля.
Принц зашел далѣко, в страны льда и ночи,
Там молчанье, ужас; там и жизнь короче.
По пескам пустыни, зноем раскаленным,
Мчался на верблюдѣ словно окрыленном.
В пальмовых он рощах, и в тѣни банана,

Дремля в упоеньи, так хотѣл обмана!
Но, увы! блаженство на одно мгновенье
Посѣтило принца, и не дав забвенья...
Принц вздыхал печальный, блеском утомленный,
В жизни все имѣя, счастьем пресыщенный.
В лѣтній день, на солнцѣ, он забавой дѣтской
Развлекался как-то, и толпою свѣтской
Окружен придворных, цѣлился из лука
В чучело большое — может сгинет скука!
Знатных кавалеров вмѣстѣ с ним не мало
И бойцов отважных стараго закала
Этою игрою занялись прилежно.
Попадал удачно принц, но неизбѣжно
Промахнулся раз, и пролетѣла мимо
Тонкая стрѣла, исчезла невидима.
Сбились с ног, искали, гдѣ найти — не знали.

Провалилась в землю! Страшно всё устали.
Принц нетерпѣливый, этим разозленный,
На коня вскочил, летѣл он утомленный,
Но стрѣлы не видѣл; путь его был длинный,
По холмам, болотам, кочкам желтой глины.
И в лѣсу дремучем, зарослях колючек,
Под дождем и ливнем, средь капризов тучек.
Лишь к закату солнца, на равнинѣ странной,
Вереском поросшей, тихой и туманной,
Принц замѣтил камень, неуклюжій, мшистый.
Там стрѣла лежала. Таял день лучистый...
Радостный, довольный, за стрѣлой нагнулся
И движеньем легким колец вдруг коснулся,
Толстых и желѣзных, ржавчиной покрытых,
Сразу незамѣтных и травую скрытых.
С любопытством дернул, камень вдруг поднялся,

Вход открыл в пещеру... Сон мечтой смѣнялся...
В темном лабиринтѣ, узком коридорѣ
Принц вдруг очутился, но добрался вскорѣ
К выходу и замер: в голубом сіяньи
Пруд и неньюфары в сонном обаяньи,
На зеленых листьях так изящно бѣлы,
С тонким ароматом, робки и несмѣлы.
Музыки небесной полилися звуки,
Бури в них раскаты, стоны, гнѣвъ и муки,
Цѣпь надежд разбитых, глубина страданья,
Гнет судьбы, удары и мольба, рыданья...
Но призыв к свободѣ, властный яркій, вѣчный
Принц услышал ясно; в жизни быстротечной
Побѣждает сильный грусть, сомнѣнье, горе;
И неслися звуки как в приливѣ море...
Музыкальным грѣзам принц души волненье.

Отдавал покорно в дивное плѣненье.
Он считал в забвеньи листья, неньюфары,
Овладе́ли сердцем незамѣтно чары.
В водах неподвижных призракъ—очертанье
Принцу появился, легкій как мечтанье,
Красоты безсмертной образ несравненный
Кроткій и безмолвный, серебристо—пѣнный...
Тайному велѣнью молча повинуюсь,
В смутном ожиданьи далѣ шел, волнуясь;
Свѣтъ смѣнился тѣнью в чащѣ жуткой лѣса,
Листьев, тонкой хвои темная завѣса...
Арки кружевные из вѣтвей зеленых
Елей, сосен, дубов и березок, кленов
Поднялись высоко, вычурно сплетаясь,
Мотыльки, толпою пестрою слетаясь,
В танцѣ закружились, бѣлый, золотистый,

С отблеском лиловым, как у аметиста,
С человѣка ростом папоротник стройный,
Красный мак огромный, пьяный, беспокойный.
По стволам деревьев гроздія глициній
Нѣжных и душистых... колокольчик синій...
Шелесты и вздохи, и ручья журчанье,
Громких звуков эхо... мертвое молчанье...
Лѣс волшебной сказки, лѣс густой, дремучій,
Распростер об'яття великан могучій.
Ослѣпляли блеском вспышки огневая,
Проникая в тайны лѣса роковыя.
Ничего не помня, принц бродил в экстазѣ,
Так в душѣ печальной, как в большом алмазѣ
Искры преломились; ровным, мягким свѣтом
Радость засіяла, нѣжа грѣз расцвѣтом.
Тихо усыпляя принца в дрѣмѣ сладкой,
Музыка звучала дивною загадкой.

Он очнулся в розах; кто-то невидимкой
В сад умчал его, вдруг все окутав дымкой.
Роз пурпурных, алых перелив кровавый
И шипов жестоких их укол лукавый
Принц любил безумно и теперь улыбкой
Встрѣтил, наклоняя с вѣткой тонкой, гибкой
Розы в нѣгѣ плѣнной цвѣт, что пламенѣет,
Аромат вдыхая... Кто не опьянѣет?!
Бархат желтой розы—пышная корона
Принцу стал дороже чѣм величье трона.
Бѣлой розы снѣжной лепесток, дыханье
Чисты и прекрасны в миг благоуханья.
Гдѣ ни взглянешь, розы; розы... миллионы...
Будто по капризу крошки Сандрильоны...
Но откуда льется свѣт зеленый, блеском
Затмевая лунный? И напѣвным плеском
Струны задрожали... Кто расскажет словом

(Сон-ли лучезарный?) об аккордѣ новом?
Раздвигая вѣтви, шел он восхищенный,
Этой красотой весь поработанный.
Музыка слышнѣе... Ярче и свѣтлѣе...
Явь иль сновидѣнье? А в концѣ аллеи
С отблеском искристым замок изумрудный,
В переливах свѣта замок странный, чудный.
На ступенях дѣва, как мечта Эдема,
Изумрудов ярких блещет діадема.
Золотом червонным кудри разметались,
Глазки—изумруды томно замечтались.
Платье королевы не сравнится тоном
С призрачно зеленым, облачным хитоном.
Пламя вдохновенья очи зажигало,
Мощное волненье бурей набѣгало...
Кто лицо увидѣл несравненной дѣвы,
Ей отдал навѣки думы и напѣвы.

Лик ему знакомый принц, изображенье
Помнил, в неньюфарах сонных отраженье,
Принц хранил молчанье, полный изумленья,
Мысли замирали в жутком ослѣпленьи...
Голос, точно пѣнье, чистый, музыкальный,
Из далекой сферы, звѣздной и астральной
Принц слышал ясно, и, ему внимая,
Грезил в упоеньи на высотах рая.

—Муза я поэта, я тебя манила,
„К берегам далеким, раскаленным Нила
„Ты умчался-б вихрем, в снѣжных высях сонных
„Гнался-б за стрѣлою, и в морях бездонных.
„Ты богов избранник, силой неземною
„Звучных пѣснопѣній одарен, за мною
„Слѣдуй в замок сказки, мір очарованья
„Пред тобой раскрою; в миг-же разставанья
„Дар святой, чудесный, талисман завѣтный

Подарю на вѣки в час я предразсвѣтный.
Принц вошел за музой в пышные чертоги.
Красотой такую наслаждались боги.
Нѣжны изумруда переливы, грани,
Кто-то невидимкой будто был здѣсь ранѣ...
Тайны привидѣній зал хранил ревниво,
И плѣняли краски яркія так живо.
В блескѣ изумруда бѣлыя колонны
Стройны, величавы, мощно непреклонны.
И нарцисов гибких колыхалось море,
С бѣлизною лилій кружевною споря...
В глубинѣ-же зала, в нишѣ, в отдаленьи
Зеркало висѣло в дымкѣ опыленья.
Тусклое, нѣмое, скованное лѣнью,
Как цвѣток увядшій, и с печатью тлѣнья.
Муза обернулась.—Посмотри прилежно,
„Зеркало уснуло, тихо, безмятежно,

„Но мое одно лишь быстро дуновенье
„Очищает силой странной мановенья.“
Принц взглянул: как рѣзко все вдруг измѣнилось,
Думал: на яву-ли, может быть приснилось?
Волны бушевали в зеркалѣ морскія,
Прыгали и вились, точно в кольцах змія,
Яростно летѣли, в безднѣ утопая,
Жемчугом иль пѣной берег осыпая.
А потом, стихая, море в блескѣ алом
Тихо и безпечно льнуло к сѣрым скалам.
Но опять как прежде дымкой мгlistой, смутной
Зеркало покрылось: все игрой минутной
Принцу показалось; так порой миражи
Овлаждѣют сердцем; но стоит на стражѣ
Наш разсудок дерзкій, и рукой холодной
Выметает грѣзы будто сор негодный.
Снова очертанья на стеклѣ явились,

На мгновенье будто-бы остановились.
Но как вихрь внезапно и под звуки скрипки
Закружились пары, так изящно гибки.
Облачны и бѣлы платья дам прелестных,
Незнакомок милых, принцу неизвѣстных.
Ритм любви и танца, тѣни, силуэты,
Легче сновидѣнья—любят вас поэты!
Тают очертанья... прочь веселье бала,
Вальса упоенье, шутки карнавала!
Ужас преступленья, кровь и злоба мести,
И мечей удары, поруганье чести
В зеркалѣ увидѣл принц в нѣмом смущеньи..
Перед ним убійство! Сердце в возмущеньи...
Вновь неясной дымкой зеркало покрылось,
Как исчадье ночи все куда-то скрылось.
Властный голос музыки, в нем аккорд пѣвучій,
Принц услышал будто арфы плеск созвучій.

„Пусть душа поэта зеркалом послушным
„Красоты извѣчной людям равнодушным
„Безконечно служит; будь пѣвцом могучим,
„Трепет сокровенный вдохновеньем жгучим
„Пробуждай в холодных и глухих, безумных,
„В сонных и усталых, и слѣпцах разумных.
„Вот цвѣток нарциса, никогда не вянет,
„Талисман он вѣрный, сердце не обманет.
„Если пожелаешь музы посѣщенья,
„На цвѣток взгляни, и тотчас-же в смущеньи
„Прилечу покорно, звучны риѣмы, трели
„Ты услышишь в пѣснях сказочной свирѣли.
„В королевство к власти возвращайся смѣло
„И займись страною, да скорѣй за дѣло!
„Ты—поэт на тронѣ, правишь цѣлым міром,
„Все тебя в природѣ, все роскошным пиром
„Каждый день встрѣчает; лишь твоих велѣній

„Вѣтер ждет, и солнце, средь слѣпыхъ моленій
„Открывает тайны... О, творецъ—избранникъ,
„Лучезарный Феба жрецъ ты и посланникъ.“
Принцъ не помнилъ далѣ, что потомъ случилось,
Различать сознанье мигомъ разучилось.
Со стрѣлой вернулся принцъ в свои владѣнья,
Но в душѣ таились ночи привидѣнья,
Зазвучали пѣсни, загремѣли зовы,
И с пѣвца упали навсегда оковы.
Принцъ забылъ печали, утомленье, скуку,
Пресыщенье жизнью, наслажденья муку.
Развернулся в блескѣ мѣр как обновленный,
Принцъ ловилъ мгновенья, блескомъ ослѣпленный.
Красота-ль мадонны, ужас-ли медузы,
Даръ благословлялъ онъ вдохновенья музы.
Я люблю мой замокъ, замокъ изумрудный,
Онъ открытъ поэтамъ, замокъ сказки чудный.

VI.

КРОВАВЫЕ МАКИ.

KPOBABLE MAION

СМЕРТЬ.

Над полем и лугом
С косою и плугом
Работает смерть.

Все жертв новых просит,
Без усталы косит
Цвѣты и траву.

Да землю взрывает,
Взрыхляет, сметает
И камни, и сор.

Улыбка беззубой,
Жестокой и грубой
Мнѣ кровь леденит.

Средь чащи смолистой,
В листьвѣ золотистой
Скрывается жизнь.

Рябины алѣе
И вишни спѣлѣе
Уста у нея.

Во взорѣ отвага
Как хмельная брага
Кипит и бурлит.

—Для новых поѣвов,
„Для звучных напѣвов
„Работаешь, смерть!“

„Деревья листьями,
„Луга-же цвѣтами
„Одѣнутся вновь.

„И лѣс засмѣется,
„Гдѣ кровь теперь льется,“—
Так жизнь говорит.

ГОЛОД.

(бѣлые стихи.)

Он идет по засохшим полям,
По бесплодным, печальным равнинам.
Он заходит в избу мужика,
Очага тушит робкое пламя.
Он неслышно крадется как тѣнь
И губительным вѣет дыханьем.
Город полон веселья, утѣх,
Ночью блещет призывно огнями,
Но средь шумной и праздной толпы
Бродит жуткій, властительный Голод.
Чуть откроет лицо—замер смѣх;
Погибают в тяжелых мученьях...
Мать ребенка не может кормить,
Убивает безумной рукою;
Чтобы голод скорѣй утолить,
Много женщин торгует собою.
Голод с сказочной мощью летит,
Наклоняясь к землѣ, беспощадный,
С смертью прочный союз заключил,
Вѣет черным своим опахалом.

ГЕРЦОГИНЯ.

К Люксембургу быстрым маршем,
Подкрѣплясь колбасным фаршем,
Приближается пруссак.

Герцогиня—фея сказки!
Гдѣ найду я только краски...
Ей всего лишь двадцать лѣтъ!

Герцогиня в возмущеньи:
Как! Забыв о запрещеньи,
Нарушать нейтралитет?!

И спѣшит она к границѣ,—
Очи блещут как у львицы,—
Охранять нейтралитет!

На мосту теперь преградой
Экипаж стал баррикадой,
Что-же дѣлает тевтон?

Ружья тотчас непреклонно
Поднялись безцеремонно
По командѣ: раз, два. три!

Хрупкой, нѣжной герцогинѣ,
Юной, милой героинѣ
Командир грозит стрѣльбой!

Подчиняясь грубой силѣ,
Вновь она в автомобиль,
Шлет Вильгельму свой протест.

Кайзер молвил не галантно,
Но, увы, экстравагантно:
„Герцогиню заточить!“

В замкѣ бѣдная отнынѣ;
А в странѣ ея унынье,
Прусскій властвует закон!

КАЛИШ.

В кошмарных грёзах ночи
Я вижу мертвых очи:
В них столько страшной муки!
В мольбѣ скрестились руки...
Я слышу женщин крики
И нѣмцев грозных клики...
А там вот ждут разстрѣла
Старик и дѣти смѣло,
Сверкают дула ружей
И кровь зловѣщей лужей...
Мой взор стремится далѣ:
В богатом, свѣтлом залѣ
Пируют нѣмцы шумно,
И дерзко, и безумно...
Разграблен погреб винный
Обширный и старинный;
Гдѣ высились жилища,
Чернѣют пепелища.
В кошмарных грёзах ночи
Я вижу мертвых очи...

ЦЕППЕЛИН.

Над красавицей Варшавой,
Будто тѣшася забавой,
Закружился цеппелин.

Хищной птицей распластался,
Поднимался, опускался
Неотвязный цеппелин.

Плавнo рѣет, что-то ищет,
Подозрительно все рыщет
Непріятный цеппелин.

Здѣсь торговец, там извозчик,
Почтальон, дѣлец, разносчик
Наблюдают цеппелин.

И в каретах, на моторах,
И мальчишки на заборах...
Всполошил всѣх цеппелин.

Чу! Уже в него стрѣляют,
То германца выселяют...
Прочь отсюда, цеппелин!

Нѣтъ, красавицы Варшавы
Видно солоны забавы!
Удирает цеппелин...

К СЕСТРЪ МИЛОСЕРДІЯ.

Средь бѣлыхъ роз
И свѣтлыхъ слёз
Пройди.

Тернистый путь,
Священный путь
Найди.

Облегчи страданія,
Успокой рыданія,
Заглуши печаль.

Будь сестрою нѣжною,
Кроткой, безмятежною,
Твердою какъ сталь.

Грусть забудь, сомнѣнія,
Помни лишь велѣнія
Долга и любви.

Прикоснись умѣлая,
Сильная и смѣлая
К раненым в крови.

Средь бѣлых роз
И свѣтлых слёз
Пройди.

Тернистый путь,
Священный путь
Найди.

ПѢСНЯ ЛЮБЯЩЕЙ.

За тобой на поле брани,
Гдѣ ужъ нѣтъ для смерти грани,
Мысль моя летитъ.

Ночь не сплю я до разсвѣта.
Сердце проситъ вновь отвѣта:
Гдѣ ты? Что съ тобой?

День мой полонъ ожиданья,
Жду я писемъ какъ свиданья,
Вижу почеркъ твой!

Я письмо твое читаю,
Строки милыя считаю —
Жив! Любимый жив!

Шлю тебѣ я нѣжной ласки,
Будь какъ принцъ в волшебной сказкѣ,
Крѣпокъ и силѣн!

Не блѣднѣй передъ ударомъ
И кровавыхъ битвъ угаромъ
Душу не печаль.

Женщинъ, старцевъ, безоружныхъ
Не прольется слѣзъ жемчужныхъ,
Мечъ не тронетъ твой!

Будь какъ рыцарь, стойкій, гордый,
Безбоязненный и твердый,
Помни обо мнѣ!

РЕБЕНОК.

По германской деревушкѣ
Шли пруссаки. На опушкѣ
В хатѣ фермера спросили:
—Что, здѣсь русскіе уж были?
—Нѣтъ,—отвѣтил им хозяин,
„Враг не тронул, вишь, украин.“
Нѣмцы двинулися далѣ,
Пробираться чащей стали.
Но из лѣса вдруг, неожиданно
Загремѣли—право, странно,
Залпы ружей. Перестрѣлка!
Да, лихая передѣлка!
И тевтонов выступленье
Превратилось в отступленье.
Снова ѣдут по деревнѣ,
С горя выпили в харчевнѣ.

Вот и фермер.—Ну, хозяин,
„Ах, мошенник, дьявол, Каин,
„Что-ж ты предал нас, каналья,
„Русских тьма, была баталья!
—Я не знал!—Старик божился,
Но никто не заступился.
И в жестоком, буйном гнѣвѣ
В домѣ вырыли как в хлѣвѣ.
—Ты—шпіон, и русским служишь,
„За червонцы с ними дружишь!
„Смерть тебѣ с твоей семьею!
„Дом сейчас сравнять с землею!“
Так сказал начальник грозно,
И хотя темно и поздно,
Позабыли о ночлегѣ
В дерзком, мстительном набѣгѣ.

Нѣмцы старца разстрѣляли
И дѣтей не избавляли.
Всю семью постигла кара,
Всѣ погибли от удара,
Мальчик Фриц, живой, проворный
Уцѣлѣл один. В просторный
Погреб он забрался темный,
В уголок присѣл укромный.
Там за бочкой притаился,
Не дышал, не шевелился,
Слышал ругань, крики, стоны,
Топот коней, выстрѣл, звоны.
Сутки цѣлая голодный,
Перепуганный, в холодном
Подземельи жил ребенок,
Как затравленный мышѣнок.

Все утихло. Нѣмцы скрылись.
Двери медленно открылись:
Фриц безшумно, робко крался,
И в испугъ озирался.
Кровь повсюду, разрушенье,
Трупы, смерть, надежд крушенье,
Мать, отец лежат и братья—
Всѣ убиты злобной ратью...
Фриц заплакал, одинокій...
Чужд ему был свѣтъ широкій...
Но за нѣмцем слѣдом наши,
Дали Фрицу хлѣба, каши,
Накормили, обогрѣли,
Приласкали, пожалѣли.
Зарумянился восход,
Фриц шел с русскими в поход.

О П Е Ч А Т К И:

Напечатано: Слѣдует читать:

Стран. 113 строка 1—	Нѣизбѣжно	Неизбѣжно.
„ 115 „ 5—	Мировых	Міровых.

Оглавленіе.

I. Пейзаж.

	<i>Стр.</i>
Красота	5
Цвѣты	6
„Растаял вешній снѣг...“ . . .	9
„Быть в вѣчном движеніи как море...“	10
Волна	11
Сумерки	12
Сны весенніе	13
Очимчиры	14
По Военно-Грузинской дорогѣ	16
Сухум	20
„Блестит красавица Нева...“	22
Пѣсня солнечнаго луча	23
Агоніи городов	24
„Грядой тянулись облака...“	25
„Море не знает покоя...“ . . .	26
„Умолкшія пѣсни, забытыя думы...“	27
Пѣсни вѣтров	28
„Из пѣны жемчужной явилась она...“	32
Лѣтняя ночь	33
„Солнца ласки быстротеч- ныя...“	34

	<i>Стр.</i>
Пѣсня гор	35
„Там воздухъ чист, там солнце блещет...“	36
„Гармонія	37
Огни и дали	38
„Под небом сѣрым и угрюмым...“	39
Мятель	40

II. Капризы страсти.

Любовь	43
Его глаза	45
„Это призракъ счастья...“ . . .	46
Шутка	47
Признаніе	48
При свѣтѣ рампъ	49
Взгляд	51
Ожиданіе	52
Искорки	53
„Я вспоминаю наши встрѣчи...“	54
Холод жизни	55
Встрѣча	56
„Не вѣрь обманчивой волнѣ...“	58
„В нѣжном лунном сіяньи...“	59
Отрывок	60

III. Сумерки духа.

	<i>Стр.</i>
„Я вас люблю, мои печали...“	63
Из пѣсен скорби	64
Наш путь	65
Элегія	66
„В покоѣ мертвом спит душа...“	67
Миражи	68
Снѣжинки	69
Memento mori	70
„Если хочешь восторгом упиться...“	71
Осенніе листья	72
Сомнѣніе	74
Эскиз	75
Смерть	76
Элегія	77

IV. Портреты.

Всадник	81
„Он весь огонь и дерзко- вень...“	82
„Она блондинка...“	83
„Утро прелестное...“	84
„В хорошем настроеньи...“	85

Стр.

„Она застѣнчива...“	86
„Из глыбы гранитной и стали...“	87
Маркиза	88
Мой звѣринец	90
„Говорит он в упоеньи...“	99
„Кто был в лавочкѣ, ска- жите...“	100
Басня	101

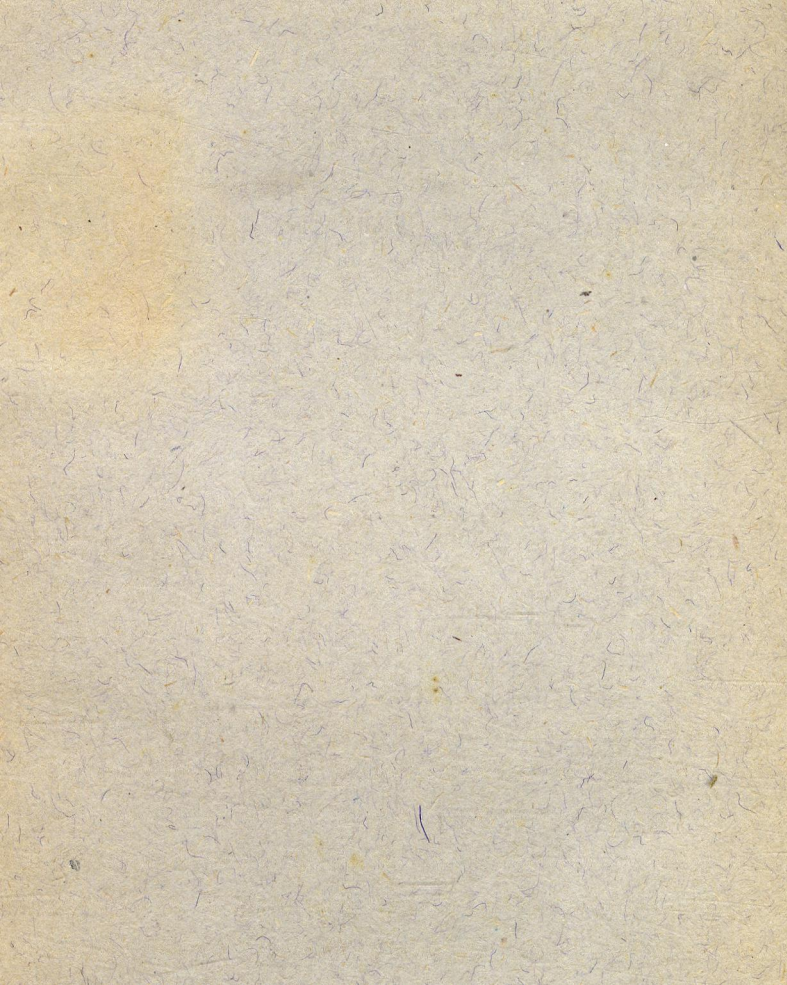
V. Кружевные замки.

Ея роман	107
Спящая красавица	121
Очарованія	133

VI. Кровавые маки.

Смерть	151
Голод	153
Герцогиня	154
Калиш	156
Цеппелин	157
К сестрѣ милосердія	158
Пѣсня любящей	160
Ребенок	162

(19.50)

4,95 (1986)

РЛ 6245 У

КСЕНІЯ АБКОВИЧ.

ОГНИ и ДАЛИ.

СТИХИ.

1922 г.